

к месяцу появления на свет одной из носительниц (новорожденная была зарегистрирована 13 ноября). Разговорным вариантом имени *Идея* считается неологизм *Идия*, созвучный настроениям времени революционных перемен [Суперанская, 2005, 389].

Другая заметная тенденция нового имянаречения — использование на официальном уровне имен, которые ранее употреблялись только в обиходном общении. В исследуемом материале обращают на себя внимание такие именованья, как *Аля*, *Ира*, *Зина*, *Лидя*, *Маруся*, *Миля*, зарегистрированные в 1935 г., *Лера* — в 1938 г.

Если на периферии именика отмечаются новшества, то в ядерной его части все достаточно традиционно: в тройке самых употребительных стабильно удерживают позиции календарные имена *Галина*, *Валентина* и *Нина*, причем не только в 1933 г., но в 1935 и в 1938 гг.

Никонов В. А. Личные имена в современной России // Вopr. языкознания. 1967. № 6. С. 102–111.

Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М., 2000.

Суперанская А. В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. М., 2005.

Суслова А. В., Суперанская А. В. О русских именах. Л., 1991.

А. И. Соболев

Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия
kroikoi@yandex.ru

Ономастические данные писцовых книг как источник реконструкции языковой ситуации (на примере Юго-Восточного Обонежья)

Решать указанную проблему заставляет отсутствие прямых исторических свидетельств о проживании неславянского населения на территории Юго-Восточного Обонежья (бассейны рек Андомы, Вытегры, озер Муромского и Тудозеро), тогда как прибалтийско-финские черты,

главным образом вепсские и карельские, сохранились здесь на всех языковых уровнях.

Проблема актуальна и для других территорий ввиду распространения прибалтийско-финской субстратной топонимии с запада на восток, от Приневья до Примезенья, а с севера на юг — от Пошехонья до Кольского Севера.

При этом письменные исторические источники, во-первых, содержат ранние формы топонимов, что значительно увеличивает достоверность этимологий, а во-вторых, позволяют по косвенным данным реконструировать языковую ситуацию на определенной территории в тот или иной период. Особая ценность данного вида источников заключается в том, что они могут содержать сведения не только об относительной, но и об абсолютной хронологии языковых процессов.

С точки зрения привязки языковых процессов к абсолютной хронологической шкале нас интересуют отантропонимные ойконимы, производные от имен жителей, время проживания которых можно установить, а также топонимы, изменяющиеся в соответствии с особенностями субстратных языков или косвенно свидетельствующие о синхронном существовании иноязычных форм топонимов.

Отвечающие указанным требованиям отантропонимные топонимы Юго-Восточного Обонежья можно разделить на четыре основные группы.

1. Названия пустошей, упоминаемые в 1563 и 1583 гг., содержащие имена жителей из предыдущего «письма» 1496 г. по следующему типу: «д. на Куржаксе ж Олексейков след *Кейчина*» (1563) [ПК, 197], отсюда *Кейчин (*1496, с. Куржекса), восходящее к прозвищу, соотносимому с ижор. *keit'ša* 'прозвище балующейся и скачущей девочки', *keit'saDa* 'шалить, баловаться, резвиться, возиться' [IMS, 151], вод. *keitsata* 'скакать, подпрыгивать', 'шалить' [VKS, 414] (ср. *Кейчюев* (1563, Шуйский погост) [ПК, 122]). Таким же образом реконструируется *Ребуев (*1496, с. Куржекса) < вепс., карел. *Reboi* (антропоним) < вепс., карел. *reboi* 'лиса'.

2. Отантропонимные ойконимы, одинаковые с источником-антропонимом в плане содержания, но различные в плане выражения (разноязычные):

Вашоевская, д. (1563, р. Тагажма) [ПК, 209], в 1496 г.: «д. на Тагажме: во дв. *Васко* Нестаров да сын его Якимка» [Там же, 10]:

вепс. *Vašoi, карел. *Vuaššoi — формы календарного личного имени *Василий*;

Патроева гора, д. (1563, р. Тагажма) [ПК, 209], в 1496 г.: «д. на Тагажме: во дв. *Патрекейко* Захаров да его дети, Фофаник да Максимко да Митка» [Там же, 10], ср. вепс., карел. *Patroi* — форма календарного личного имени *Патрикий* (нар. *Патрикей*).

3. Случаи калькирования ойконимов и антропонимов (как синхронного, так и диахронного):

Петроевская, д. (1563, р. Тагажма) [ПК, 209], в 1583 г.: *Петровская* [ПКЗ, 267], ср. карел., вепс. *Pedroi — форма календарного личного имени *Пётр*;

Ребосельга, поляна (Андома), в 1583 г.: «пустошь на *Лисьей горе*» [ПКЗ, 246]: вепс. **Reboisel'g*, где *reboi* ‘лиса’, **sel'g* ‘поросшая лесом гора, сельга’, или карел. **Rebosel'gä*, где *rebo* ‘лиса’, *sel'gä* ‘кряж, возвышенность, холм, гора’;

Сенка Чимак (1496, с. Марково) [ПК, 12]: карел. *Šimakka — форма календарного личного имени *Симеон* (нар. *Семён*, *Сен(ь)ка*).

4. Отантропонимные наименования починков (их названия зачастую образовывались от имен основателей):

Емкоевская (1563, р. Тагажма), «новоприбылой» починок, возникший после 1496 г.: «во дв. Савка *Омельянов*» [ПК, 210]: вепс. *Jemkoi — форма календарного личного имени *Емилиан* (нар. *Емельян*, *Омельян*).

В свою очередь, о синхронном существовании иноязычной формы топонима косвенно свидетельствует одновременное бытование русских форм *Гакукса* / *Вакукса речка* / *Акукса речка* (1563, с. Гакугса) [ПК, 188, 201, 202] < вепс., карел. *Nakus (основа **Nakukse-*) или *Naahkus (основа **Naahkukse-*). В этих формах прибалтийско-финский [h] передавался различными способами или исчезал.

Таким образом, анализ ономастических данных писцовых книг свидетельствует о наличии на территории Юго-Восточного Обонежья в XV–XVI вв. населения, использовавшего прибалтийско-финские (вепсский и карельский) языки.

ПК — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / под общ. ред. М. Н. Покровского // Материалы по истории народов СССР. Вып. 1 : Материалы по истории Карельской АССР. Л., 1930.

ПКЗ — Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины А. В. Плещеева и подьячего С. Кузьмина 1582/1583 г. // История Карелии в XVI–XVII вв. в документах. Т. 3 / ред. И. А. Чернякова, К. Катаяла. Петрозаводск ; Йоэнсуу, 1993. С. 35–341.

IMS — Inkeröismurteiden sanakirja / toim. R. E. Nirvi. Helsinki, 1971 (Lexica societatis Fenno-ugricae ; XVIII).

VKS — Vadjä keele sxnaraamat / peatoim. V. Hallap. T. 1–7. Tallinn, 1990–2011.

Петр Сobotка

Университет Николая Коперника

Торунь, Польша

psobotka@umk.pl

Этимология и смысловое развитие севернославянских коннекторов, образованных от местоимений*

Объектом изучения являются севернославянские коннекторы. Под *коннекторами* понимается группа лексем, имеющих соединительную функцию; это союзы, относительные местоимения, некоторые предлоги или частицы и т. д. Коннектор связывает предложение или его часть с тем, что ему предшествует. Термин *севернославянские языки* объединяет западнославянские и восточнославянские языки. Они противопоставлены южнославянским языкам, которые в IX в. были отделены от других групп славянских языков в результате вторжения мадьяр на территорию Среднедунайской низменности, что обусловило самостоятельное языковое развитие двух частей общеславянского ареала. Об этом разделении свидетельствуют различные реализации фонетических процессов, а также результаты грамматикализации, что является наиболее значимым в контексте настоящего исследования.

---

* Научная работа выполнена в рамках гранта Министра науки и высшего образования РП под названием «Национальная программа развития гуманитарных наук» на 2018–2023 гг., номер проекта 11Н 17 0066 85.

© Сobotка П., 2019